ЦЕРКОВЬ НИКОЛЫ НА ЛИПНЕ БЛИЗ НОВГОРОДА

П. МАКСИМОВ

XIII век является самым мрачным временем в истории нашей родины, наиболее богатым трагическими событиями, тяжело сказавшимися на дальнейшем развитии ее государственности, экономики и культуры.

Нашествие монголов на Русь опустошило берега Днепра и его притоков, верхней и средней Волги, Оки и Клязьмы.

Страна обезлюдела и запустела, а ее города, среди которых были такие крупные культурные центры, как Киев, Чернигов, Смоленск, Рязань, Владимир, Суздаль, Ростов, подверглись разорению и разграблению. Одни из них, как Рязань, погибли совсем, возродившись потом на новом месте, а другие хотя и пережили обрушившееся на них несчастье, но так и не смогли восстановить своего былого великолепия. Население этих городов поредело и обеднело, да и повторявшиеся время от времени набеги монголов, сопровождавшиеся новым разграблением и разрушением городов, препятствовали их восстановлению.

Понятно, что все это тяжело отозвалось на развитии каменной архитектуры: то, что строилось вновь, строилось из дерева, так как не было средств не только для возведения новых, дорогостоящих каменных зданий, но даже для поддержания в должном состоянии старых.

Лишь северо-западная Русь со своими главными городами — Новгородом и Псковом — не была разорена монголами, но ей пришлось вести постоянные войны с западными и северными соседями — немцами и шведами, пытавшимися, пользуясь благоприятной для них обстановкой, подчинить себе те русские области, которые не были завоеваны монголами.

Новгород и Псков успешно справились с выпавшей на их долю исторической задачей — защитой северо-западных границ Русского государства, но их жизнь в XIII веке была тревожной и трудной.

Понятно, что и в этих городах было не до возведения новых каменных зданий, и если здесь строительство их и не прекратилось совсем, как это было в восточной и южной Руси, то все же их строилось немного.

Простое перечисление зданий, сохранившихся от этого времени, красноречиво говорит о том, чем был XIII век для русской каменной архитектуры: если от XI века — первого века ее существования — до нас дошло шесть зданий (не считая тех, от которых уцелели лишь фундаменты или незначительные фрагменты стен), а от XII века — около тридцати, то от XIII века их сохранилось только четыре — соборы в Суздале (1222—1233), Юрьеве-Польском (1230—1234), Ивановском монастыре в Пскове (около 1240) и церковь Николы на Липне близ Новгорода (1292) [1].

XIII век является «белым пятном» в истории русской архитектуры, тем более, что сопоставление более ранних, предшествовавших ему построек с более поздними говорит о том, что и в это время русская архитектура продолжала эволюционировать и развиваться, несмотря на неблагоприятствовавшую этому обстановку.

Это заметно в архитектуре средней Руси, для которой монгольское нашествие носило характер настоящей катастрофы, внезапно и надолго замедлившей ее развитие. Постройки конца XIV и начала XV веков в Звенигороде и Москве, сохраняя планы, строительные материалы и технику, применявшиеся еще строителями владимирских храмов XII века, дают в то же время нечто новое в композиции верхов и в некоторых деталях. Но все же здесь разрыв был слишком явным, и соборы в Суздале и Юрьеве-Польском кажутся в большей степени последними вехами внезапно прерванного, но еще не доведенного до своего логического завершения пути, чем началом нового этапа, на котором многое из намечавшегося ранее не получило развития.

Архитектура Новгорода, не видевшего в своих стенах вражеских войск, развивалась более закономерно и без перерывов. Здесь строительство каменных зданий не прекращалось и в XIII веке, хотя сильно уменьшилось в объеме. Поэтому и в новгородских постройках XIV—XV веков можно указать значительные изменения по сравнению с постройками XII века. Изменились и планы храмов, и их объемная композиция, и об-

работка фасадов, и даже самая строительная техника.

Таким образом, изучение памятников архитектуры XIII века является необходимым для того, чтобы должным образом понимать и раннемосковскую архитектуру и в особенности архитектуру Новгорода XIV—XV веков, не говоря уже о том, что, помимо своей исторической ценности, они обладают и высокими художественными достоинствами, заставляющими отнести их к числу лучших созданий древнерусской архитектуры.

Время и люди не пощадили эти древние здания: соборы в Суздале и Юрьеве-Польском сохранили свои стены лишь до половины их высоты, будучи уже давно перестроены в своих верхних частях. Собор Ивановского монастыря в Пскове и церковь Николы на Липне в основном сохранились до наших дней полностью, но сильно пострадали в годы Великой Отечественной войны. Особенно сильно пострадала последняя, в течение в $2^1/_2$ лет — с осени 1941 года по январь 1944 года — находившаяся под огнем немецкой артиллерии.

Тяжелые повреждения, причиненные ей обстрелом и плохое состояние некоторых уцелевших частей ее, грозивших обвалом, заставили обратить на нее особое внимание и, пока не поздно, подвергнуть ее обследованию и обмерам, что и было произведено бригадой сотрудников Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР в течение сентября 1945 и июля 1946 годов. Работы велись архитектором П. Н. Максимовым при участии архитекторов Г. В. Алферовой, Е. Б. Кондрашевой и Е. М. Шарковой (в 1945 г.) и студентов Московского архитектурного института Е. М. Аничковой и И. Д. Паниотовой (в 1946 г.).

Церковь Николая чудотворца на Липне — единственное здание, уцелевшее от бывшего здесь монастыря, — находится в 8 *км* к югу от Новгорода и к востоку от Ильмень-озера, недалеко от впадения в него реки Мсты, на низменном и болотистом островке.

В несудимой грамоте, данной монастырю Лжедимитрием в 1606 году, так характеризуется его местоположение: «на московской на большой дороге, над озером над Ильменем, а пришла к тому монастырю дорога зимняя и судовая» [2].

Время основания монастыря неизвестно. Впервые, еще не о монастыре, но о месте, где он находится, упоминает под 6621 (1113) годом 3-я новгородская летопись: «Образ Николы чудотворца мирликийского приплыл из Киева в В. Новгорад, дска круглая, и взяли на Липне, при епископе Иоанне; и тое икону устроиша в том превеликом храме на Ярославле дворище в церкви» [3].

Возможно, что около этого времени и возник на этом месте монастырь, о постройке каменной церкви в котором сохранились свидетельства летописей.

В 1-й новгородской летописи сказано: «В лето 6800 (1292)... заложи архиепископ новгородчкый Климент церковь камену святого Николу, на Липне» [4].

3-я новгородская летопись говорит об этом подробнее: «В лето 6800 заложи новгородский архиепископ Климент церковь каменну святого Николы чудотворца, на Липне в монастыре, от Великого Новгорода за семь поприщ, спустя после приплытия святого образа 180 лет» [5].

Еще раз упоминает та же летопись об этой церкви двумя годами позже, под 6802 (1294) годом, говоря о том, что она была построена при князе Андрее Александровиче, при архиепископе Клименте и при посаднике Андрее Климовиче [6].

Дальнейшая история церкви и всего монастыря бедна событиями: видимо, монастырь не принадлежал к числу известных и значительных. Возможно, что он был в числе тех 24 монастырей, которые были сожжены отступавшими новгородскими войсками при походе Димитрия Донского на Новгород в 1386 году. В 1513 году он получил несудимую грамоту от великого князя Василия III. В 1528 году в нем, как и в большей части новгородских монастырей, архиепископом Макарием был введен общежительный устав. Возможно, что следствием этого была постройка в монастыре каменной трапезной, о пожаре которой упоминает под 1552 годом 2-я новгородская летопись.

Несудимая грамота 1513 года была подтверждена царями Иваном Грозным, Федором Иоанновичем, Борисом Годуновым и Лжедимитрием, причем из грамоты Федора Иоанновича видно, что в это время в монастыре было три престола — Николая чудотворца, Климента папы Римского и Сергия Радонежского. Это же подтверждает и опись монастыря, сделанная в 1615 году и характеризующая состояние монастыря после его разорения шведами в 1611 году. Эта опись говорит о существовании в монастыре двух каменных церквей — во имя св. Николы с приделом св. Климента и во имя преп. Сергия с трапезной.

В 1639 году новгородский митрополит Авфоний доносил царю Михаилу Федоровичу, что «монастырь Николы чудотворца на Липне стоит

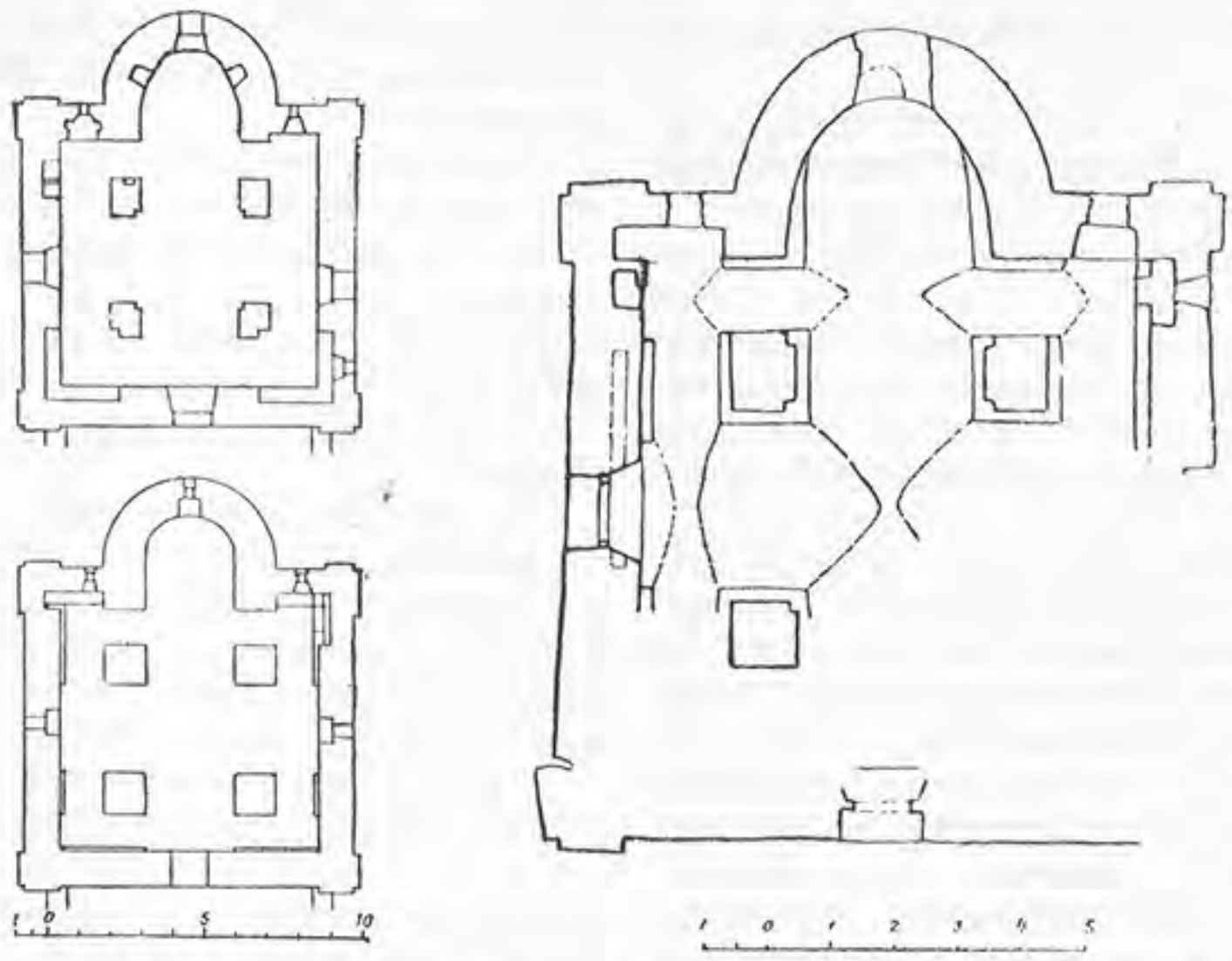

Рис. 1. Планы подклета церкви по обмерам арх. Н. Григорьева 1913 г. План подклета по обмерам 1945—1946 гг.

пуст без пения, а каменное строение из древних лет валится розно, а построить того монастыря некому...».

В 1641 году о монастыре доносил царю и дьяк Арцыбашев, говоря, что «отдан был в Великом Новгороде Липецкой Никольской монастырь в строение новгородскому митрополиту Авфонию, и митрополит-де в том монастыре церковь покрыл и освятил, а службы нет», и просил отдать монастырь ему в строенье, обещая вполне устроить его.

Но в 1645 году митрополит Авфоний вновь доносил царю, что он, митрополит, в Липненском монастыре «на строение его, на церковные кровли и на паперти и на крыльце израсходовал из Софийской казны 97 рублей, а во время пятилетнего владения Арцыбашева строения в том монастыре вновь не оказалось». После этого монастырь был приписан к новгородскому архиерейскому дому, а 30 лет спустя, в 1677 году, в нем от удара молнии сгорела церковь (Никольская), но, видимо, она была скоро восстановлена, судя по тому, что в 1680 году к Николо-Липненскому монастырю был приписан находившийся близ него и пострадавший в этом году от половодья Троицкий Коломецкий монастырь, деревянная церковь которого была в следующем году перевезена в Липненский монастырь и вновь построена там.

В это время монастырь был самостоятельным, но в 1686 году он вновь был приписан к архиерейскому дому и принадлежал ему до учреждения штатов в 1764 году, когда в нем были следующие постройки: каменная церковь с. Николая, другая каменная церковь с. Троицы, с приделом Сергия Родонежского, колокольня деревянная с пятью колоколами, настоятельские кельи каменные в два этажа с погребами, ограда деревянная на 177 саженях и прочее строение деревянное.

Вскоре после учреждения штатов Липненский монастырь был упразднен, а в 1784 году его трапезная была разобрана и ее строительный материал был употреблен для возведения новых построек в близлежащем Сковородском монастыре, к которому в 1798 году был приписан Липненский, или, точнее говоря, церковь Николы на Липне, так как в 1799 году была разобрана и Троицкая церковь, не говоря уже о ставших ненужными деревянных строениях [7].

Вскоре сама Никольская церковь подверглась значительным изменениям: была переделана крыша, часть старых окон была заложена и пробиты новые, а с западной стороны был пристроен притвор с небольшой колокольней над входом и лестницей, ведущей наверх, так как церковь путем устройства в ней покрытого сводами подклета была превращена в двухэтажную. Нако-

нец, в 1877 году поверх относящихся еще ко времени первоначальной постройки церкви фресок была сделана новая роспись, выполненная клеевыми красками, причем местами были изменены даже сюжеты отдельных изображений.

В наше время Николо-Липненская церковь представляла собой небольшое (около 10,5 *м* в стороне) кубическое здание с четырьмя столбами, одним куполом на довольно широком барабане, одной алтарной апсидой с востока и новой пристройкой с колокольней с запада (рис. 1).

Поздняя четырехскатная железная крыша церкви своими ребрами закрывала диагональные окна барабана, которые были поэтому заложены подобно большей части древних окон в самой церкви. На каждом боковом фасаде ее было видно по четыре заложенных проема; два таких же проема были и на алтарной апсиде, где, кроме того, под средним новым широким прямоугольным окном была видна также нижняя часть старого заложенного проема. Лишь в верхней части каждого из фасадов уцелело по одному древнему окну, подобно окнам барабана узкому, высокому и завершенному аркой.

Заложены были и двери на боковых фасадах, и в их закладке были прорезаны новые небольшие окна; такие же новые прямоугольные, но значительно бо́льшие окна находились над каждой из этих дверей.

Обработка фасадов церкви была очень простой. Ее гладкие стены не имели даже обычного для таких построек троечастного деления, и лишь углы ее были обработаны пилястрами, не доходящими до верха.

Древние окна не имели никакой обработки, если не считать узкой четверти вокруг них, и только окна барабана имели дополнительное убранство в виде полуциркульных «бровок» над ними, выполненных из двух рядов кирпичной кладки: верхнего—простой полочки и нижнего—образующего ряд треугольных в плане зубчиков, поддерживающих ее. Выше этих «бровок», по самому верху барабана, проходил поясок из висячих арочек; такие же арочки украшали и верхние части стен церкви, поднимаясь над их боковыми третями от углов к середине.

Над ними на северном и западном фасадах сохранились и фрагменты карниза, имевшего такой же профиль, как и «бровки» над окнами. Над боковыми третями фасадов они имели вид пологих дуг, а затем, образуя угол, круто поднимались и оказывались под свесом крыши. Следуя им, и арочки в этом месте сильно поднимались и также почти полностью скрывались под свесом крыши.

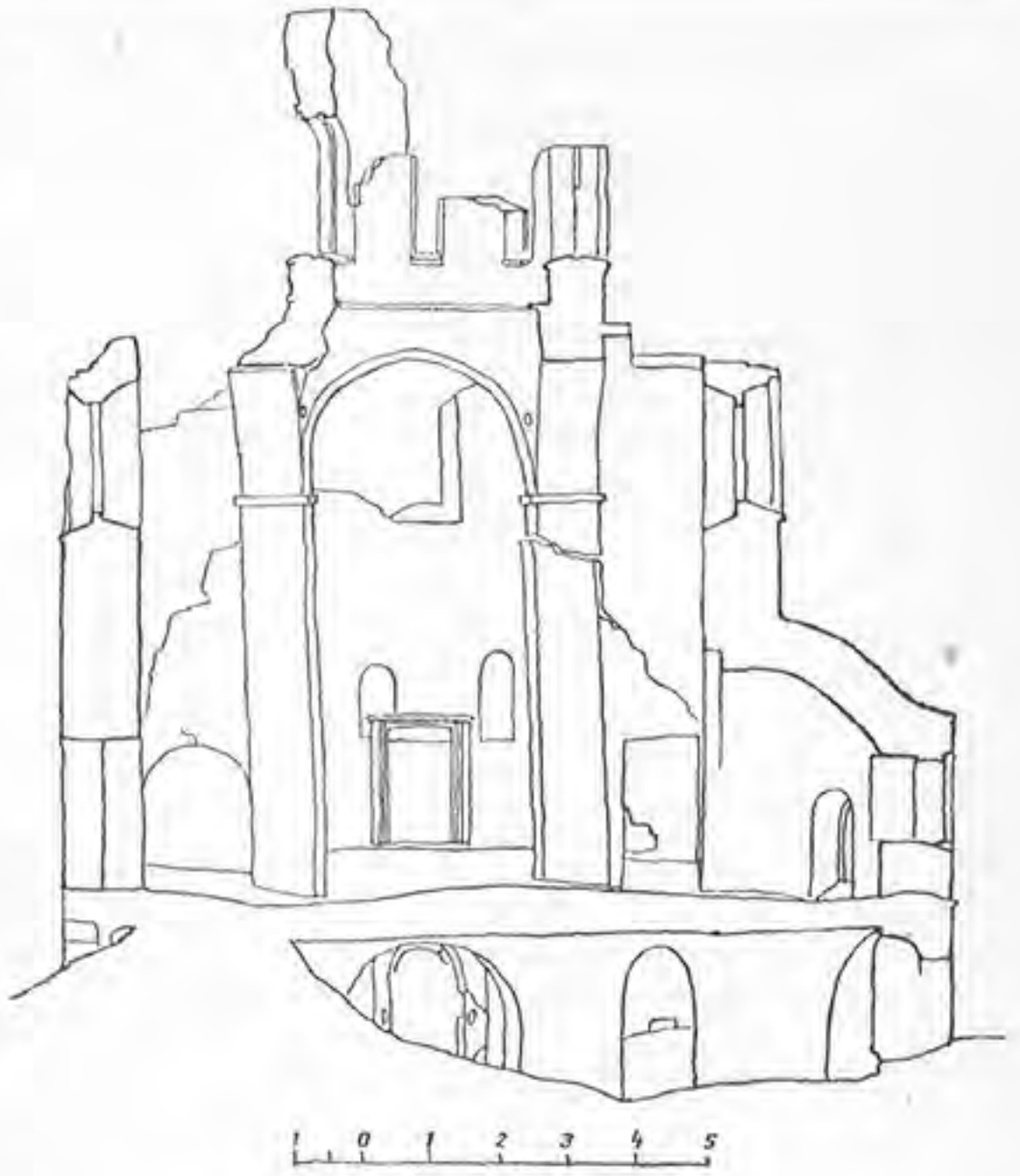

Рис. 2. Продольный разрез

Внутри церковь была, как сказано выше, разделена на два этажа — собственно церковь и подклет (рис. 2).

Подклет был низким (около 2,30 *м* высоты внутри) и тесным из-за четырех толстых столбов, поддерживавших своды, и отвечавших им лопаток на стенах, сужавших и без того узкие боковые нефы, покрытые, как и средний, коробовыми сводами с распалубками. Пять маленьких окон (одно — в апсиде, два — на восточной стене по обеим сторонам ее и два — на боковых стенах) освещали подклет, в восточных углах которого были еще ниши — печуры.

Столбы церкви были значительно тоньше столбов подклета, и к ним с внутренних сторон примыкали лопатки, служившие опорами для подпружных арок, несших купол на прорезанном четырьмя окнами барабане (рис. 3). Подпружные арки были несколько опущены по сравнению с примыкавшими к ним коробовыми сводами среднего нефа и трансепта, которые поднимались почти в 1,5 раза выше, чем своды угловых частей.

Своды над угловыми частями были различны: над восточными — половины коробовых сводов, опиравшихся пятами на северную и южную сте-

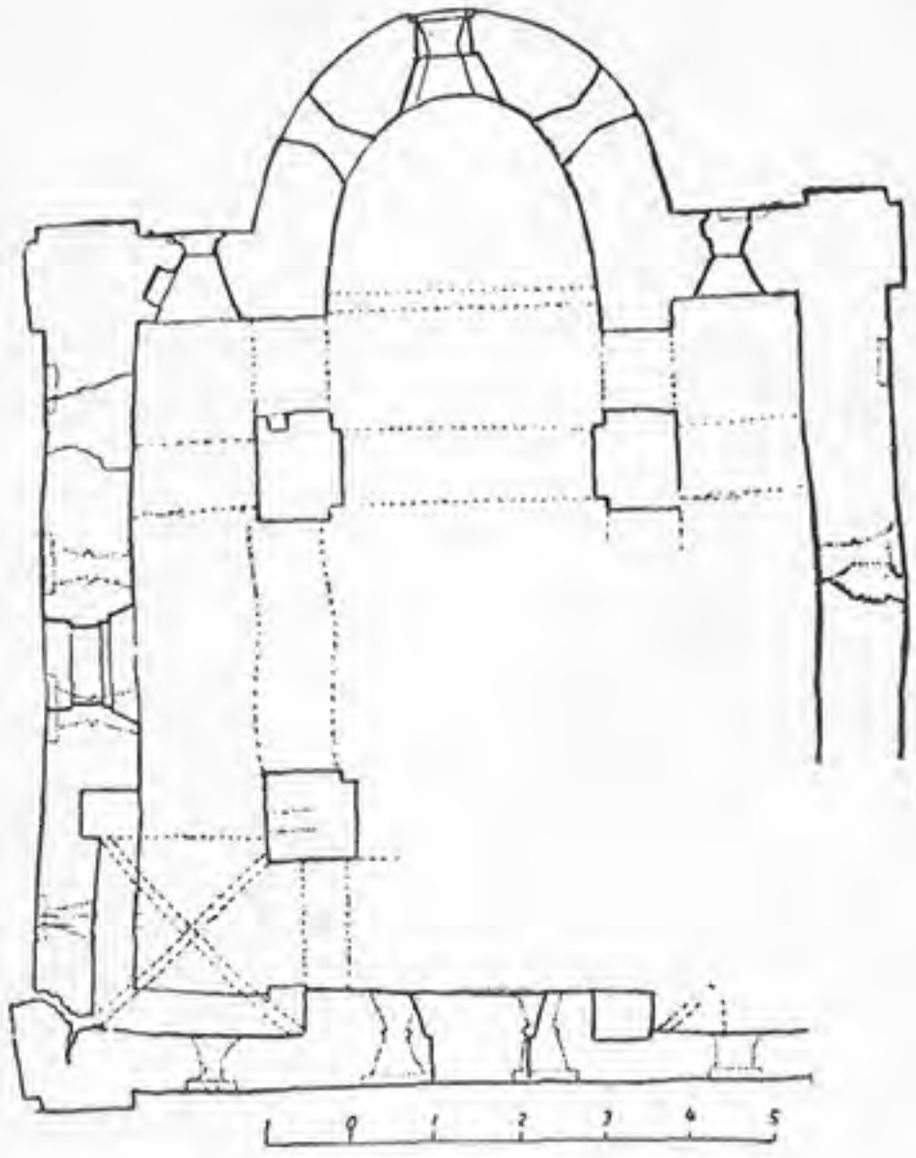

Рис. 3. План церкви

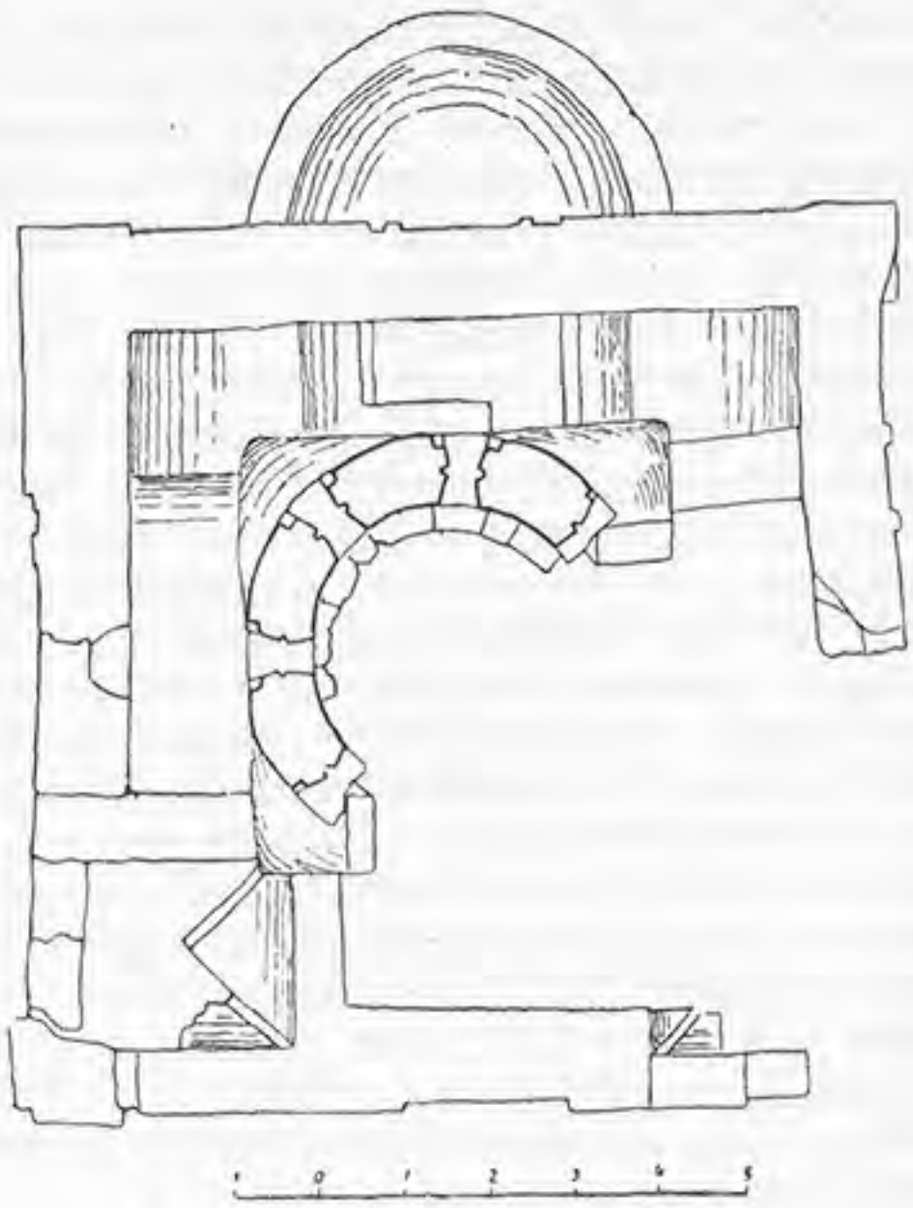

Рис. 4. План на уровне барабана

ны, а шелыгами — на стенки между средним и боковым нефами; над западными — сомкнутые своды (рис. 4). Стены обеих западных угловых частей были значительно тоньше, чем в остальных местах, и арки, перекинутые от них на столбы, поднимались на высоту, в 2,5—3 раза меньшую, чем подпружные арки под куполом.

В самой церкви, как уже было сказано, уцелели в нетронутом виде лишь четыре древних окна наверху, под сводами среднего нефа и трансепта, причем расширяющиеся внутрь амбразуры северного, южного и западного окон были криволинейными как в плане, так и в разрезе и имели вид чего-то вроде полуциркульных ниш, в глубине которых помещались окна.

Остальные древние оконные проемы и в церкви, и в алтаре были заложены заподлицо с внутренней поверхностью стен, заштукатурены и покрыты новой росписью, скрывшей под собой древние фрески.

Лишь на западных поверхностях восточных столбов и на стенах между ними и северной и южной стенами церкви сохранились незаписанные древние фрески, которые были закрыты позднейшим высоким иконостасом. Лучше всего сохранились изображения Благовещения на средних частях столбов, шестикрылых херувимов — внизу и двух воинов — наверху. На стене, направо от южного столба, были видны фрагменты изображения «трех отроков в пещи огненной», а налево от северного столба — еще менее значительные фрагменты, не дающие возможности определить сюжет изображения.

Фрески характеризуются простым и строгим рисунком и очень сдержанным, несколько темным колоритом, в котором преобладали коричневые и красно-коричневые тона.

Древность Николо-Липненской церкви и ее фресок уже давно привлекала внимание исследователей русской архитектуры. Уже в 1859 году Г. Филимонов посвятил им специальное исследование [8], ценное тем, что его автор видел и описал фрески церкви до их последней записи в 1877 году. Спустя полвека она дождалась и второго монографического исследования, помещенного В. Мясоедовым в 3-м выпуске сборника Новгородского общества любителей древности [9]. Архимандрит Макарий в своем известном труде о церковных древностях Новгорода и его окрестностях (1860) дает довольно полную сводку исторических сведений о Николо-Липненском монастыре. И во всех других трудах, посвященных как русской архитектуре в целом (А. Павлинова [10], И. Грабаря [11], А. Некрасова [12]), так

и специально новгородской (В. Суслова [13], К. Романова [14], А. Строкова и Богусевича [15], М. Каргера [16]), ей отводилось видное место.

Но, несмотря на это, архитектура Николо-Липненской церкви продолжала оставаться неясной. Поздние переделки во многом исказили ее, а отсутствие серьезных обследований в натуре позволяло высказывать лишь предположения о ее первоначальном облике, почему эти предположения нередко были противоречивы.

Так, одни авторы [17] считали, что церковь первоначально была покрыта на восемь скатов с завершением каждой стены треугольным фронтоном; другие [18] предполагали, что ее стены завершались трехлопастными кривыми, а третьи [19] утверждали, что каждый из ее фасадов был подобен фасаду западноевропейской трехнефной базилики с двускатным покрытием более высокой средней части и односкатными — над более низкими боковыми.

Такие же разногласия были и в отношении сводов угловых частей церкви: одни, исходя из отсутствия фресок на них (хотя Филимонов в середине XIX века еще видел остатки их на восточных угловых сводах), считали их позднейшими; другие считали позднейшими лишь западные сомкнутые своды, указывая на то, что их форма характерна для XVII века; третьи предполагали, что первоначально угловые своды были крестовыми [20], а четвертые, наоборот, полагали, что первоначальные коробовые своды угловых частей были позже заменены крестовыми [21].

Все это говорит о том, насколько мало был изучен этот единственный памятник новгородской архитектуры XIII века, несмотря на его исключительное значение для истории русской архитектуры.

Еще меньше определенного можно было сказать о деталях этой церкви — ее древних окнах, дверях, хорах, не говоря уже о ее строительных материалах и технике.

Даже после Октябрьской революции некоторому изучению подверглись лишь фрески Николо-Липненской церкви, которые были в небольшой части открыты из-под поздних записей; самая же церковь продолжала оставаться столь же неизученной, как и раньше.

Во время Великой Отечественной войны церковь эта, как уже было сказано, в течение $2^1/_2$ лет находилась под огнем немецкой артиллерии. Немецкие батареи, расположенные возле Юрьева монастыря, Перынского скита и южнее последнего, имели возможность вести по ней огонь прямой наводкой, и повреждения, причиненные церкви их обстрелом, очень тяжелы.

Рис. 5. Южный фасад

Наиболее пострадала новая западная пристройка, которая была разрушена полностью. Жалеть о ней не приходится, но нельзя не помянуть ее добрым словом, так как, приняв на себя бóльшую часть немецких снарядов, направленных в церковь, она спасла древнюю часть здания от полного разрушения. Но все же и здесь разрушения очень велики. Западная половина южной стены церкви разрушена полностью, так же как и юго-западный столб (рис. 5). Полностью разрушена и верхняя часть западной половины северной стены, и огромная сквозная трещина в северо-западном углу церкви нарушила связь между северной и западной стенами. Разрушены также верхние угловые части западной стены (рис. 6) и в меньшей степени — верх юго-восточного угла церкви.

В связи с разрушением юго-западного столба упали западная и южная подпружные арки, примыкавшие к ним коробовые своды и юго-западный сомкнутый свóд, а также половина купольного барабана. Северная подпружная арка сильно деформировалась, и в уцелевшей части барабана лишь один простенок сохранился на всю высоту, а остальные — лишь на половину ее.

Рис. 6. Западный фасад

Купол, понятно, разрушился полностью, а от восточного и северного коробовых сводов уцелели лишь нижние части их. Полностью сохранились своды над апсидой и восточными угловыми частями. Северо-западный сомкнутый свод, несмотря на ряд сквозных трещин в нем, еще стоял до августа 1945 года, когда обрушилась его северная половина. Своды подклета уцелели лишь в восточной половине здания, тогда как западные разрушены полностью, и остатки их вместе с обломками выше стоявших частей церкви сейчас образуют сплошной завал в этом месте.

Уцелевшие части церкви также имеют значительные повреждения и деформации. Обилие трещин, из которых наиболее угрожающими были упомянутая уже трещина в северо-западном углу и другая — в северо-восточном столбе, отклонение от вертикали обоих уцелевших столбов, выпученность и искривление северной и частично южной стен создавали для церкви большую опасность.

Все это заставило торопиться с обмерами и обследованием церкви и провести эти работы, не дожидаясь ни расчистки завалов, ни установки креплений у наиболее поврежденных ее частей, ни устройства временной крыши.

Полуразрушенное состояние здания сильно затрудняло производство обмеров, но зато давало возможность всесторонне изучить его анатомию — его строительные материалы и технику. Во многих местах стены и своды церкви были видны «в разрезе», и многочисленные и значительные по площади места, обнажившиеся при отпадении штукатурки как снаружи, так и внутри, давали ясное представление о характере кладки в различных частях церкви и о распределении различных строительных материалов в фундаменте, сводах и стенах.

Церковь была построена из камня и кирпича на известковом растворе, причем количество кирпича возрастало по мере роста здания от земли кверху.

Фундамент, ясно видный в глубине воронки от разрыва снаряда у южной стены церкви, был сложен из камня (преимущественно зеленовато-серой песчаниковой плиты), уложенного на глиняном растворе. Швы раствора были тонки настолько, насколько это позволяла неправильная форма камня, и раствор был довольно тощим.

Будучи несколько шире стены, фундамент образовывал небольшой обрез в месте соприкосновения с нею, но расширения книзу он или не имел совсем, или имел, но очень незначительное.

Стены церкви сложены почти целиком из камня, который в отличие от фундаментного обладает очень неправильной формой, так что здесь почти незаметны горизонтальные швы, тем более, что камень очень разнообразен по размерам — от 3—4 до 40—45 *см* в высоту при столь же различной длине. Породы камня также довольно разнообразны: наряду с зеленовато-серым песчаником, из которого сложен и фундамент, встречается более рыхлый коричневатый, глинистый; в небольшом количестве встречаются и розоватые и серо-коричневые гнейсы, и красно-коричневые лёссы, и известняки, пропитанные большим количеством окислов железа.

Всего больше встречается камня последних двух пород, а также глинистых песчаников; значительно меньше зеленовато-серых песчаников, а гнейсы встречаются преимущественно в виде мелких кусков, подобных тем, из которых оказались сложенными арки древних дверей и которыми время от времени выравнивались постели кладки.

Камень был отесан лишь с лицевой поверхности, а с внутренней стороны он был таким же неправильным, как и тот, который клался внутри стены, почему в разрезе стена кажется выложенной сплошь на всю свою толщину (1,05—1,10 *м*).

а не в виде двух стенок с забуткой между ними, как это практиковалось при кладке из тесаного камня.

До уровня подоконников древних нижних окон, т. е. на высоту около 5 *м*, стены выложены целиком из камня; выше этого уровня встречается в значительном количестве кирпич, из которого выложены оконные проемы, ниши на фасаде и внутренние части стен в западных углах церкви. Кроме того, здесь кирпич встречается в виде небольших, несколько случайных вкраплений и в наружных поверхностях стен.

Еще выше, на уровне верхних окон, кирпич является уже преобладающим материалом, так как из него, помимо оконных проемов, выложены и значительные части стен вместе со всем их внешним убранством — арочками и карнизами.

Наконец, еще выше своды и барабан купола были сложены целиком из кирпича, если не считать узкой каменной полочки, выложенной на 0,5—0,7 *м* ниже подоконников окон барабана по его внешнему и внутреннему периметрам.

Такая же полочка увенчивает и столбы церкви, сложенные, главным образом, из кирпича; из тонких каменных плит выложены подоконники всех древних окон и ниш и плоские перемычки маленьких окон в северо-западном углу церкви и на восточном фасаде, по обе стороны алтаря.

Кирпич в древних частях церкви встречается пяти различных видов: в стенах чаще всего встречается квадратный кирпич со стороной, равной 22—25 *см*, при толщине 9—10 *см*. В сводах также преобладает квадратный кирпич того же размера, но клиновидный, имеющий толщину, с одной стороны равную 7 *см*, а с другой —10—11 *см*.

Оконные проемы, ниши и барабан купола сложены из прямоугольного кирпича размером 8—9×12—13×26 *см*. Кроме того, для декорировки фасадов был применен специальный отделочный кирпич двух видов. Первый—мелкий прямоугольный кирпич размером 9×22 *см*, сужающийся клинообразно к одной из длинных сторон и имеющий толщины, равные 6 и 4 *см*, — употреблялся для кладки декоративных арочек по верху барабана и стен церкви. Из второго, имеющего ширину и толщину, одинаковые с упомянутым выше большим прямоугольным кирпичом, но более длинного (до 28 *см*) и заканчивающегося с одной стороны треугольным выступом, были выполнены поддерживающие части карнизов и «бровок» над окнами барабана, а также своеобразные нервюры сомкнутых сводов в западных угловых частях церкви.

Рис. 7. Северный фасад

Арки над окнами и нишами были сложены в 1/2 кирпича, своды — в один кирпич, подпружные арки — в два кирпича, причем применение для их кладки квадратного кирпича сделало неизбежной кладку «в два переката», т. е. в виде двух арок, в один кирпич каждая, положенных одна на другую, но не имеющих перевязки (рис. 7). Квадратный кирпич не давал возможности осуществлять перевязь и по длине свода, что особенно заметно сейчас в поврежденных и деформировавшихся частях; такова, например, северная подпружная арка, имевшая в длину четыре кирпича и сейчас как бы расслоившаяся на четыре узеньких арочки по одному кирпичу каждая (рис. 8).

Лишь в уцелевших частях восточного коробового свода видна местами перебивка швов, создающая перевязь между соседними рядами кладки и явившаяся результатом того, что в отдельных рядах наряду с квадратным кирпичом применялся и прямоугольный, клавшийся то на одном, то на другом конце свода. Но это носило характер чего-то не систематического, случайного; видимо, строители Николо-Липненской церкви еще не осознали всех преимуществ, которые дает применение прямоугольного кирпича. Они при-

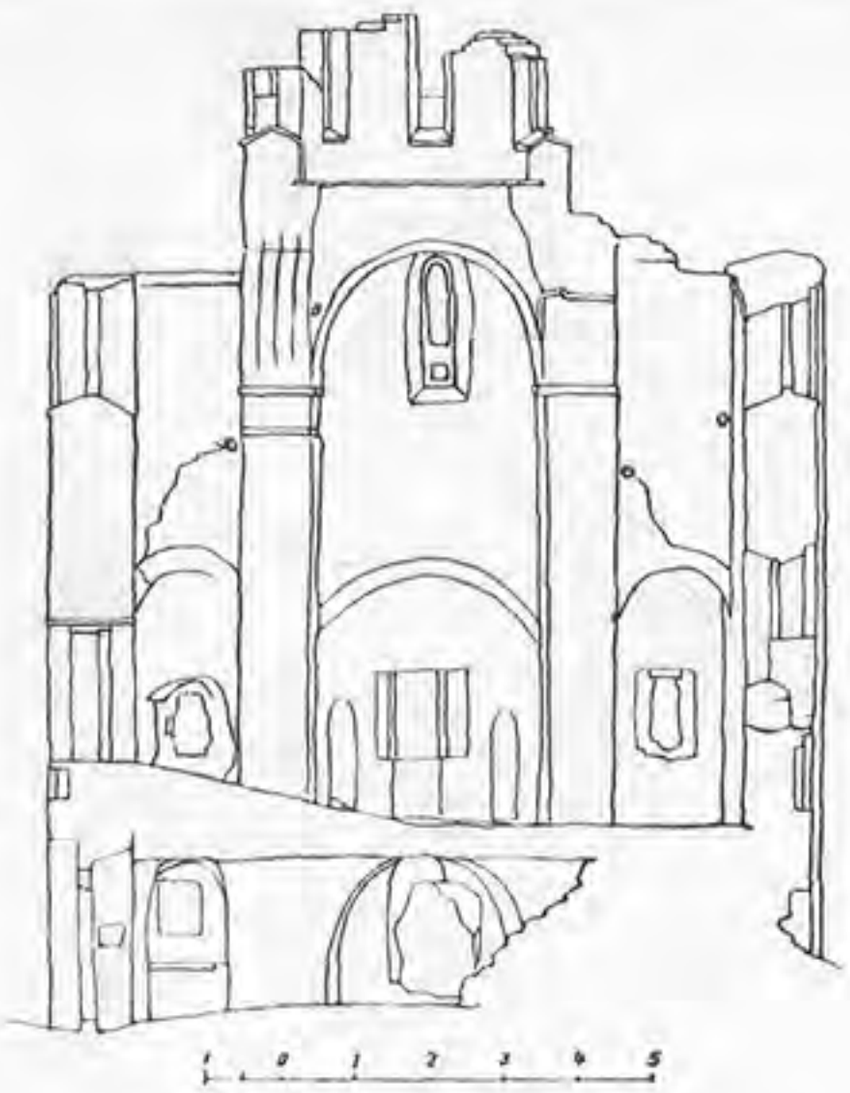

Рис. 8. Поперечный разрез

меняли его там, где нужно было сложить арки с малыми радиусом и высотой (например, над окнами), выложить карнизы по кривой линии или сложить криволинейную в плане и очерченную сравнительно небольшим радиусом стенку, как это можно видеть в барабане купола, стены которого, имевшие 0,82 *м* в толщину, состояли из двух тонких, наружной и внутренней, стенок, сложенных в $^1/_2$ кирпича, т. е. из одних ложков с очень редкими тычками, связывавшими эти стенки с внутренней частью стены забуткой из камня и обломков кирпича.

Ознакомившись с материалом и структурой древних частей здания, можно было приступить и к изучению тех из них, которые могли хранить те или иные данные для реконструкции первоначального облика здания.

Верхние части основного объема церкви, которые нужно было обследовать для решения вопроса о первоначальном завершении ее фасадов, были довольно сильно разрушены обстрелом; в сравнительно нетронутом состоянии уцелел лишь северо-восточный угол его, почему на него и было обращено главное внимание.

Сохранившиеся здесь на всю высоту смежные пилястры северного и восточного фасадов образуют между собой углубленный угол, поднимающийся на высоту почти 8 *м* от уровня земли, где над ним положена каменная плита, служащая опорой для нависающего над ним угла.

Отпадение штукатурки на восточном и особенно на северном фасадах дало возможность увидеть, что на пилястрах, поднимаясь от внутреннего конца указанной каменной плиты, идет по кривой линии шов, отделяющий их от вышележащей кладки и составляющий продолжение нижней линии карниза, полностью сохранившегося над арочками на восточной трети северного фасада (рис. 9). Вышележащая часть угла церкви до половины своей высоты сложена из кирпича размером 6,5 × 12,5 × 25 *см* на известковом растворе, а выше этого уровня — из кирпича размером 5 × 14 × 28 *см* и на глине.

Все это заставляет думать, что углы церкви были надложены позднее и в два приема, а первоначально стены ее завершались трехлопастными кривыми и восьмискатная криволинейная кровля отводила воду к угловым каменным водостокам, остатки которых были использованы позднее как основание для углов надкладки (рис. 10, вверху).

О том, что каменные плиты, являющиеся основаниями для надложенных над ними углов, были в свое время водостоками, говорит их положение: внешние, нависающие углы их значительно опущены по сравнению с внутренними. Кроме того, наиболее хорошо сохранившаяся плита на северо-восточном углу, состоящая собственно из двух камней, положенных один на другой, сохранила на верхней поверхности верхнего из них слабые следы бортов по краям его, возвышавшихся над углубленной средней частью.

Против предположения о трехлопастном завершении фасадов церкви может быть сделано возражение такого рода: первоначально стены заканчивались треугольными прямоскатными фронтонами, на которых, как узор, проходили образовывавшие трехлопастные кривые карнизы, но позднее обветшавшие и отсыревшие из-за близости к ним кровли верхние части фронтонов были разобраны до уровня карнизов и вместо них были сделаны новые накладки. Но это вполне законное возражение опровергается положением водостоков, которые при прямоскатных завершениях стен должны были быть несколько выше, и отсутствием в купольном барабане гнезд от коньковых слег, неизбежных при прямоскатной крыше, делавшейся всегда по обрешетке.

Наконец, при внимательном осмотре верхних частей восточной стены на северной половине средней кривой, где от карниза сохранились лишь отпечатки его кирпичей на нижележащей стене, были найдены кусочки свинца, когда-то в расплавленном виде затекшего в вертикальный шов между двумя кирпичами нижней части кар-

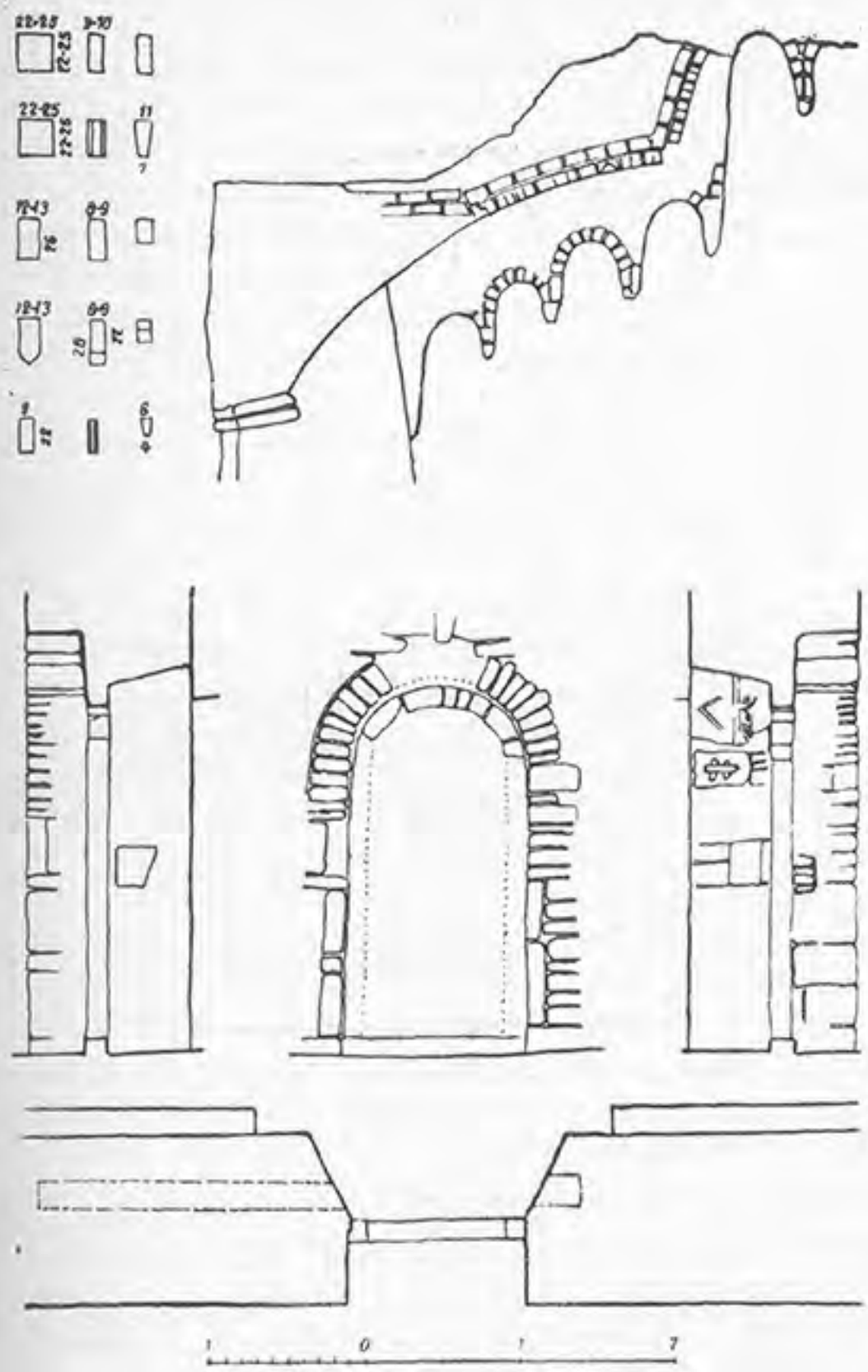

Рис. 9. Детали обработки фасада

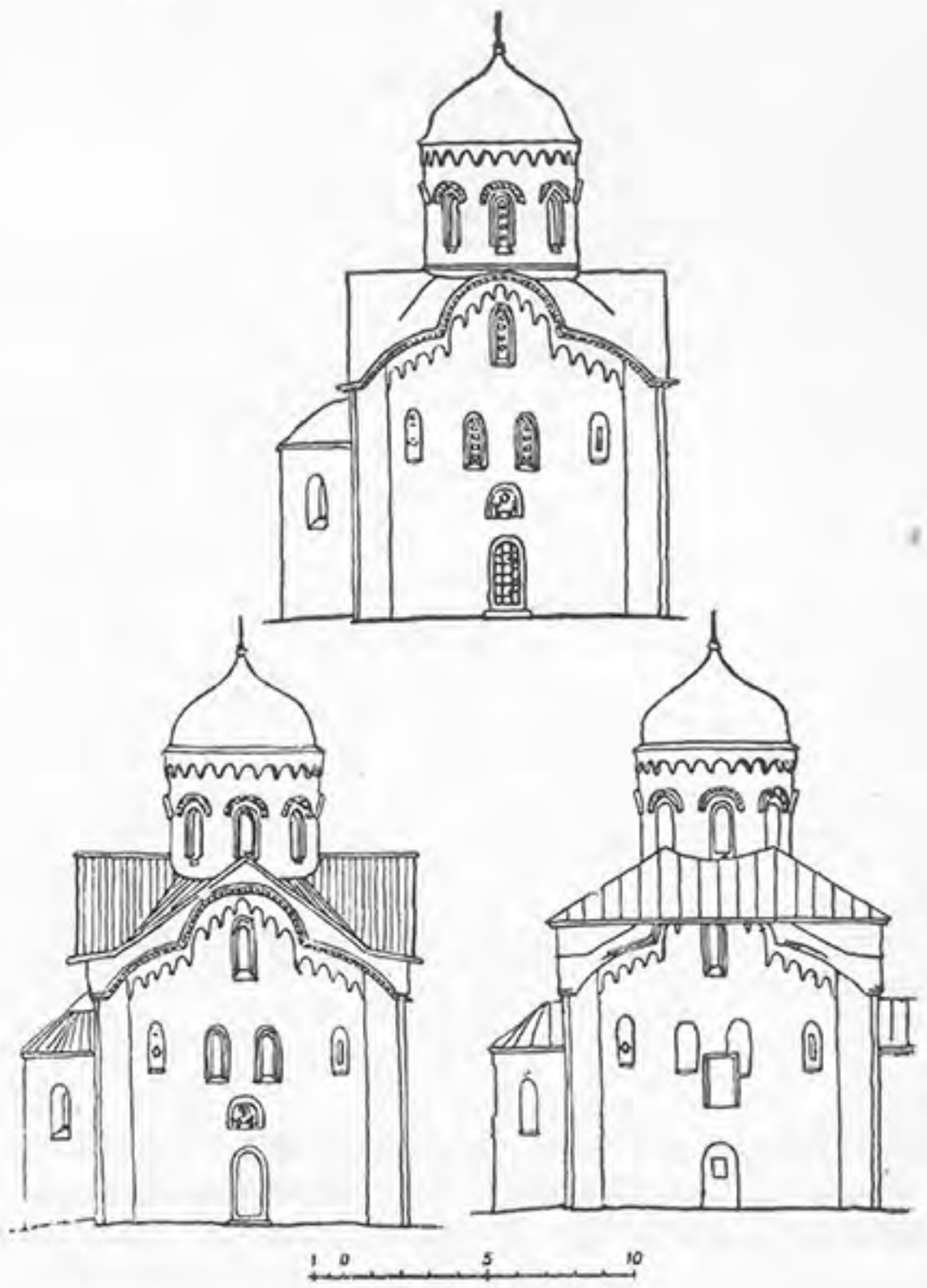

Рис. 10. Северный фасад в первоначальном виде и после двух переделок покрытия

низа и застывшего там. Эта находка заставила более внимательно осмотреть кирпич от обрушившихся сводов и верхних частей стен, и среди них было также найдено несколько кусков свинца, затекшего когда-то или в швы между кирпичами, или даже в трещины в самих кирпичах.

Это говорит о том, что первоначально церковь была покрыта свинцовой кровлей, уничтоженной позднее пожаром, а также и о том, что кровля эта находилась непосредственно над карнизами (так как только в этом случае расплавленный свинец мог затечь в швы между кирпичами их нижних рядов), т. е. окончательно решает вопрос о первоначальном завершении стен в пользу трехлопастного.

Но и те, кто предполагал, что фасады церкви заканчивались прямоскатными фронтонами, были тоже недалеки от истины, так как после первой переделки крыши она должна была получить такой вид (рис. 10, внизу слева). Об этом говорят и различные кирпич и раствор в верхней и нижней частях надкладки угла, и проходящая по косой линии граница между ними. Коньки крыши в этом случае должны были закрывать нижние части окон барабана, расположенных по странам света.

Трехлопастное завершение восточного фасада церкви в полной мере отвечало примыкавшим к нему сводам — восточному коробовому и полукоробовым над обеими восточными угловыми частями, и это обстоятельство служит доводом в пользу предположения о том, что полукоробовые своды — древние и самое завершение стен против них было их следствием (рис. 11 и 12).

Осмотр внутренней поверхности этих сводов (снаружи они завалены обломками барабана и

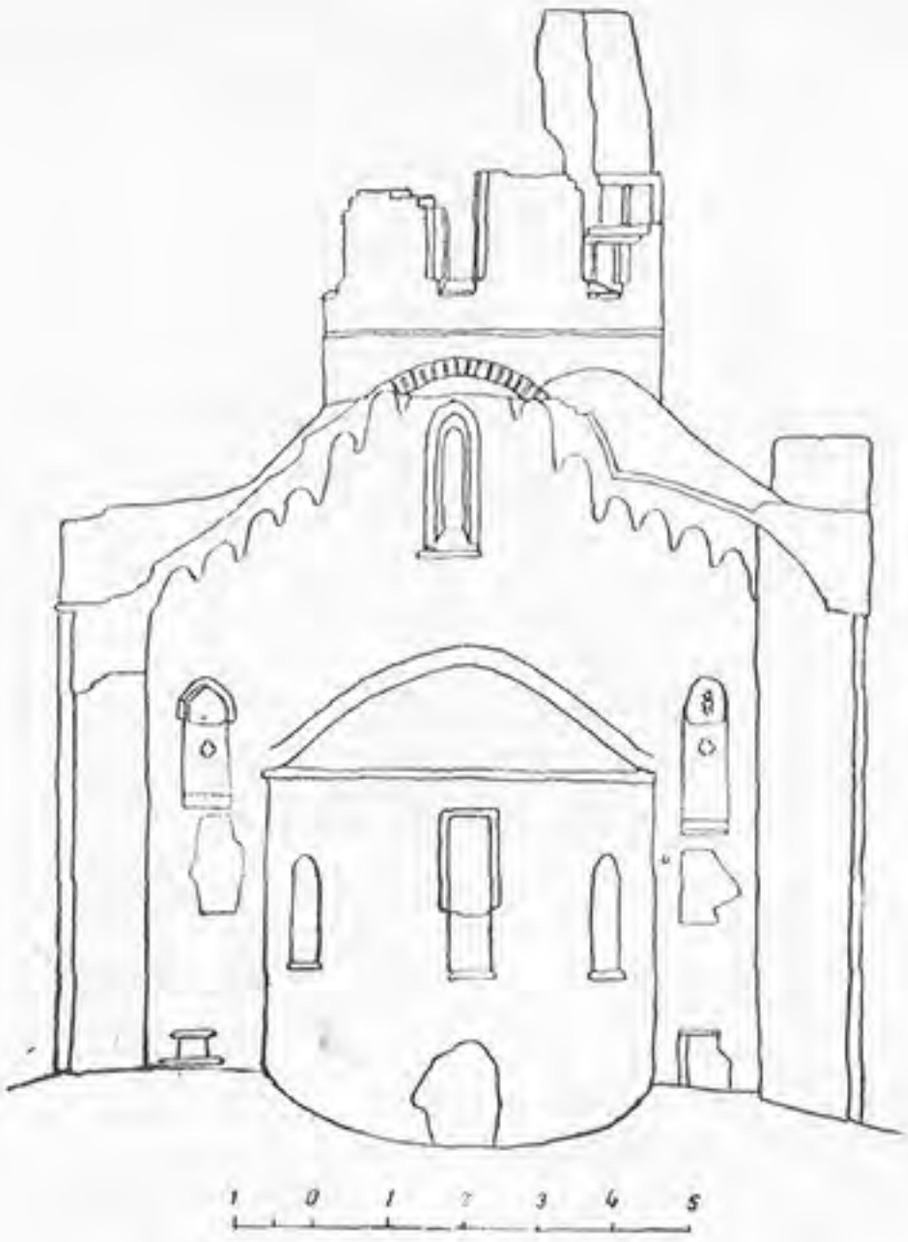

Рис. 11. Восточный фасад

Рис. 12. Поперечный разрез по восточной трети плана

недоступны для осмотра) подтвердил это: они оказались сложенными из точно такого же квадратного клинчатого кирпича, что и заведомо древние коробовые.

Исключительно из древнего кирпича, главным образом квадратного, были сложены и сомкнутые своды западных угловых частей, в отношении позднего происхождения которых, кажется, ни у кого не было сомнений. Можно, конечно, предположить, что они были сложены не в XIII веке, а при одном из поздних ремонтов, но из материала, полученного от разборки обветшавших древних сводов, бывших на их месте. Но в таких случаях, как правило, дело не обходится без добавления нового материала, а в отношении того, что такая форма свода необычна для русской архитектуры XIII века, следует сказать, во-первых, что трудно установить, что является обычным для нее, так как мы знаем всего лишь четыре ее произведения, из которых два не сохранили древних сводов; во-вторых, форма сомкнутых сводов Николо-Липненской церкви необычна и для позднейших русских сомкнутых сводов, всегда представлявших в разрезе полуциркульную или трехцентровую кривую. Здесь же сомкнутые своды было бы правильнее назвать шатровыми, так как стороны их прямые и лишь в месте примыкания их к стенам они изгибались по кривой малого радиуса (рис. 13).

Такие своды были очень обычны во второй половине XIII — первой половине XIV веков на острове Готланд, с которым Новгород того времени поддерживал более тесные торговые связи, чем с каким-либо другим пунктом Западной Европы.

Шведский историк искусства J. Roosval в своем труде, посвященном средневековым церквам этого острова [22], называет такие своды «Zeltformige» и характеризует их как специфически готландскую форму.

Можно предположить, что новгородцы, часто бывавшие на Готланде и имевшие там, в Висби, свое подворье, могли познакомиться с этой формой в постройках местных мастеров и воспроизвести ее и у себя, под Новгородом, тем более, что она могла напоминать им деревянные четырехскатные шатровые покрытия. Можно предположить, также, что новгородцы и готландцы могли выработать такую форму свода и независимо друг от друга, пытаясь воспроизвести в несгораемом материале — камне или кирпиче — ту форму покрытия, которую они давно уже применяли в дереве. О том, что новгородской архитектуре были не чужды такие попытки воспроиз-

ведения в камне деревянных форм, говорят и своеобразные треугольные в разрезе прямоскатные своды в древнейшей каменной постройке Новгорода — Софийском соборе 1045—1052 годов, образующие на его фасадах треугольные закомары и относящиеся, как это подтвердили последние исследования этого здания, к его первоначальной постройке.

Даже своеобразные нервюры этих сомкнутых сводов говорят, как будто, о знакомстве их строителей с готическими нервюрными сводами, но знакомство это должно было быть поверхностным, так как здесь нервюра применена только как декорация, будучи сделана там, где свод меньше всего нуждался в усилении его.

Тонкие и выложенные с внутренней стороны из одного кирпича наружные стены обоих западных углов церкви не означают того, что здесь происходили какие-то переделки. Кирпич здесь такой же, как и в древних окнах и барабане купола, и уложен он почти исключительно ложком, что говорит о желании строителей получить здесь более тонкую стену, чем при кладке тычками или из квадратного кирпича, не говоря уже о каменной кладке.

Малая толщина стен, вполне допустимая при малом пролете опирающихся на нее сводов, дающих в силу своего большого подъема сравнительно небольшой горизонтальный распор, была вызвана, очевидно, желанием увеличить полезную площадь угловых частей бывших здесь хор, в одной из которых — северной — и находился придел, упоминавшийся в некоторых документах XVI — начала XVII века. Посвящение этого придела Клименту папе Римскому, святому, имя которого носил архиепископ, строитель церкви, заставляет думать, что он был устроен одновременно с ее постройкой.

При обследовании этой части церкви были обнаружены следы тонкой кирпичной стенки, закрывавшей этот придел с востока и проходившей между северной стеной и северо-западным столбом так, что восточная поверхность ее приходилась заподлицо с восточной поверхностью столба, а также и остатки сделанных в этой стене ниш — одной возле столба, а другой — частично врезанной в северную стену церкви и сохранившей не только часть арки, покрывавшей ее, но и следы изображения креста, написанного на штукатурке ее задней стенки. Возможно, что эта ниша служила для жертвенника, тогда, как другая, более высокая, могла вмещать и престол, который был, вероятно, прислонен к стене.

Здесь же, на западной стене, против северо-западного столба была найдена и пята арки,

Рис. 13. Разрез по северо-западному углу

некогда перекинутой между ними, а в самом столбе — гнездо для деревянной связи или балки, на которую опирался настил пола, с противоположной стороны поддерживавшийся обрезом стены (рис. 13, слева).

По обе стороны от упомянутой пяты арки, сложенной из квадратного кирпича того же размера, что и в других древних частях церкви, и имевшей в ширину два кирпича, не было видно никаких следов сводов, и, вероятно, хоры были в основном деревянными, как и в ряде позднейших новгородских церквей, и такая же деревянная лестница (быть может, находившаяся в юго-западном углу) вела на них, так как стены церкви и по своей толщине, чуть превышающей метр, и по своей структуре не могли вмещать ее.

Возможно, что разборка завала и остатков разрушенных сводов подклета возле западной стены церкви поможет найти дополнительные данные об устройстве хор, но и сейчас в основном оно достаточно ясно.

Что же касается сводов подклета, то обследование их лишь внесло некоторые дополнения к тому, что уже было известно по статье В. Мясоедова и обмерам Н. Михаловского.

Своды, сложенные в $^1/_2$ кирпича (размер кирпича 7,5—7,7 × 13,5 × 27—28 *см*) на известковом растворе с добавлением глины опираются на приложенные к древним стенам и столбам стенки из такого же кирпича и на таком же растворе (с незатертыми раствором швами), причем толщина этих стенок почти равна толщине сводов и лишь кое-где (в апсиде, например) доходит до одного кирпича (см. рис. 1, справа).

Правда, в апсиде и в северном нефе кирпич другой, размером 6,7—6,8 × 12,5 × 25,0 *см*, т. е. типичный полуторавершковый кирпич XIX века, и раствор здесь уже без примеси глины (но сероватого цвета), а в диаконнике против юго-восточного столба прикладка сделана из того же кирпича, но на цементном растворе.

Новые прикладки к древним столбам и сводам были сложены довольно небрежно, без фундаментов, прямо на земле, и между ними и древними стенами местами были довольно значительные (до 4—5 *см*) зазоры, заполненные раствором не сплошь, но лишь отдельными комками, почти не связывающими их между собой.

Новые своды кое-где опускаются ниже, чем шелыги арок над древними нишами-печурами (в восточной стене жертвенника) или древними дверными проемами (северным).

В северном дверном проеме — единственном не заваленном обломками сводов и верхних частей здания, на арке его внутренней стороны были обнаружены остатки штукатурки со слабыми следами орнаментальной росписи, а ниже, на западном откосе, — камень с высеченным на нем подобием креста, производящим впечатление чего-то лишь начатого работой и незаконченного (см. рис. 9, внизу).

В этом же проеме были обнаружены и гнезда для засова, заложенные позднее камнем. Гнездо, находящееся в западном откосе, — неглубоко (до 30 *см*), но противоположное ему, восточное, имеет почти 2 *м* глубины; их наружные (северные) стенки приходятся вровень с внутренней (южной) поверхностью четверти в проеме. Из этого можно заключить, что в гнездах была еще обкладка из досок, одной толщины с полотнищами двери, и засов, вероятно железный, двигался уже в этой обкладке. Размеры гнезд (до 20 × × 32 *см*) позволяют это.

Кроме того, в подклете было обнаружено и раскрыто заложенное окно в южной стене, против диаконника, в арке внутренней амбразуры которого, превращенной позднее в нишу-печуру, также сохранились слабые следы орнаментики, а наружная арка подобно аркам дверных проемов была сложена из мелких и тонких плоских кусков камня. Этим оно отличалось от остальных древних окон, где проемы были выложены целиком из прямоугольного кирпича, и лишь подоконники были каменные.

Частичная разборка позднейших закладок в боковых окнах алтарной апсиды и двух средних окнах западного фасада показала, что они сохранились полностью, вплоть до орнаментальной росписи на их внутренних откосах.

Эти окна были очень просты по своей структуре: они не имели внутренних четвертей, и древние деревянные оконницы были заложены в щель между кирпичами внешнего и внутреннего откосов, положенных под углом, близким к 135°. Щель эта проходила по всему периметру оконного проема — и по боковым сторонам, и по подоконнику, и по арке, и заложить туда оконницу можно было лишь одновременно с кладкой проема (рис. 14, внизу слева).

Остатки этих оконниц, попорченных огнем, и были обнаружены в окнах западного фасада и северном окне апсиды. Каждая из них представляла собой сосновую доску около 6 *см* толщиной, прорезанную рядом круглых отверстий, расположенных или в один ряд (в окнах западного фасада), или попарно (в окне апсиды).

Внешняя обработка этих окон была, как уже отмечалось, очень проста и сводилась только к четверти, шириной и глубиной в $^1/_2$ кирпича, окаймлявшей окно с боков и сверху и опиравшейся внизу на наклонный каменный подоконник.

Таковы же были и окна купольного барабана, отличавшиеся от этих лишь тем, что наружная четверть там не доходила до подоконников, опираясь на кирпичные выступы, а над окнами были устроены дополнительные украшения в виде полуциркульных «бровок» того же профиля, что и карниз церкви (рис. 14, вверху слева).

Изучение того, что казалось заложенными проемами в угловых частях каждого фасада церкви, показало, что они никогда не были такими, а были и задуманы и выполнены как плоские ниши, углубленные в стену на 7—10 *см*, и позади них, на внутренней поверхности стен, были видны или сплошная кирпичная кладка горизонтальными рядами без каких бы то ни было следов заложенного проема, или (на северной и восточной стенах) древние фрески.

Лишь против южной ниши западного фасада находится и с внутренней стороны такая же ниша с наклонным каменным подоконником и остатками обгоревших деревянных брусков размером около 4,5 × 4,5 *см*, заложенных в боковую стенку внизу и на уровне пяты арки.

Отбивка штукатурки в глубине ниш выявила все украшения их — выложенные из кирпича углубленные кресты в средней части ниш и выпуклые рельефы, высеченные на камнях, вставленных в их верхние части (рис. 14, внизу справа). Из этих рельефов в нетронутом виде уцелел лишь один, в северной нише восточного фасада — восьмиконечный крест с полукружием внизу, высеченный на куске плотного розоватого гнейса.

На западном фасаде были обнаружены три камня со следами таких же рельефов и на самой стене между южными окном и нишей. Возможно, что эти рельефы были испорчены при изготовлении и вставлены прямо в стену, подобно такому же камню в откосе северной двери, а может быть, они украшали верхние части ниш северо-западного угла и западную нишу южного фасада, в которых были потом пробиты окна, что и повлекло за собой перестановку камней.

Но вопрос о времени происхождения этих окон еще нельзя считать решенным. С одной стороны, эти окна, узкие, невысокие и покрытые плоскими перемычками из каменной плиты, не похожи на древние окна, но очень близки к окнам на восточной стене жертвенника и диаконника, пробитым после устройства подклета и одновременно с расширением среднего окна апсиды. Но, с другой стороны, они необходимы для освещения хор и придела, и осмотр кладки с внутренней стороны стены в северо-западном углу не говорит о том, что они были пробиты, а не выложены: кирпич возле них древний и целый, а не обрубленный.

Кроме этих ниш, на западном, северном и южном фасадах было еще по одной нише, расположенной над дверью. Ни одна из них не сохранилась полностью: северная сохранила бóльшую часть своей внутренней поверхности, низ и обрамлявшие ее с двух сторон четверти, а южная и западная — одну из боковых четвертей и часть, покрывавшей нишу арки, все остальное было уничтожено при пробивке новых проемов.

Сопоставление уцелевших фрагментов позволяет, однако, полностью реконструировать вид этих ниш, широких, невысоких и некогда украшенных фресками, остатки которых уцелели в северной и частью в южной нишах.

Кроме этих наружных фресок, были и другие — на восточном фасаде, не имевшие архитектурного обрамления, а написанные прямо на стене по обеим сторонам алтарной апсиды. Г. Филимонов видел в 50-х годах прошлого столетия фрагменты обеих этих фресок [23], но сейчас уцелела лишь «графья» части северной из них, возле которой в стене видны гнезда, куда, видимо, были запущены брусья, служившие опорами для навесазонта над нею.

Последним вопросом, который предстояло решить, был вопрос о первоначальных обработке и цвете поверхностей стен. Были ли стены оставлены в обнаженной кладке, пестрой, но не лишенной живописности, или покрыты сплошь известковой побелкой, или, наконец, не было

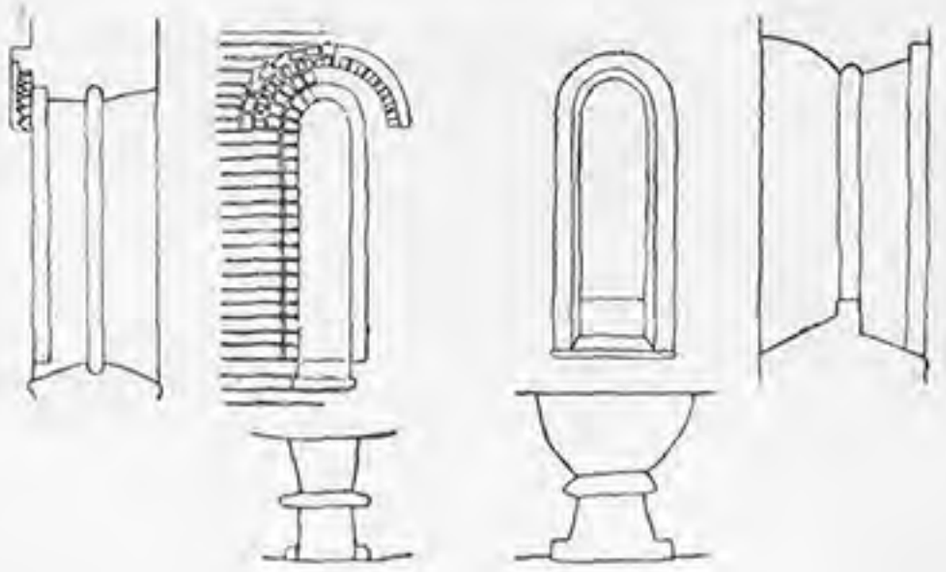

Рис. 14. Детали здания. Окна и ниши

ли здесь сочетания выбеленных стен с выполненными в обнаженной кирпичной кладке рельефными деталями — карнизами и «бровками» окон барабана?

Против первого из этих предположений можно привести несколько доводов. Во-первых, бóльшая часть камня, из которого построена церковь, — лёссы и глинистые песчаники, т. е. породы, легко разрушаемые и растворяемые водой, почему они должны были быть покрыты известковой побелкой для защиты их от дождевой влаги. Во-вторых, наличие фресок на восточном фасаде, написанных прямо на стене без каких-либо архитектурных обрамлений, заставляет думать, что стены были покрыты если не штукатуркой, как мы ее понимаем теперь, то во всяком случае обмазкой. И, в-третьих, в нескольких местах на западном фасаде, когда-то закрытых поздней пристройкой, а также возле ниши над дверью северного фасада и в четверти, обрамляющей эту нишу, были найдены остатки известковой, без примеси песка, обмазки, нанесенной на стену тонким (в среднем 5—6 *мм*) слоем и имевшей гладко отшлифованную поверхность, очень похожую на верхний слой внутренней штукатурки под древними фресками.

Рис. 15. Церковь Николы на Липне Реконструкция

Предположению о сплошной побелке фасадов противоречит то обстоятельство, что на уцелевших частях карнизов нет нигде следов обмазки, подобной только что описанной, но сохранились лишь остатки поздней штукатурки, довольно тощей, с большим количеством песка, подобной той, которая покрывала и древнюю обмазку на западном фасаде.

Но, конечно, все эти соображения еще не дают окончательного ответа на поставленный вопрос, почему необходимо будет произвести некоторые дополнительные работы, вроде сравнительного анализа обмазки фасадов и штукатурки под древними фресками и микроанализа поверхности отдельных участков стен и деталей обработки фасадов.

Полученные в результате работ по обследованию Николо-Липненской церкви данные являются материалом, достаточным для почти полной реконструкции ее первоначального облика (рис. 15).

Из-за отсутствия пристроек, более низкого, чем сейчас, уровня земли и трехлопастного, а не горизонтального завершения стен она казалась более стройной, чем мы ее привыкли видеть. В то же время она обладала редкой цельностью и как бы монолитностью. Пилястры не членили ее стены, как обычно, но лишь укрепляли их углы, а завершение каждой из стен не несколькими отдельными закомарами, но одной трехлопастной кривой, плавно поднимающейся от углов к середине, придавало ей еще большее единство. Той же цели служило и сосредоточение проемов в средних частях стен, тогда как находящиеся по краям плоские ниши создавали своим слабым углубленным рельефом постепенный переход от выступающего рельефа пилястр к глубоким амбразурам окон.

Благодаря трехлопастному завершению стен церковь более тесно связана с куполом, чем при какой-либо другой системе покрытия. Он не отрезан от стен церкви скатами и горизонтальным свесом крыши, и стены не завершаются рядом одинаковых, как бы безразличных к тому, что находится над ними, закомар, но поднимаются к середине, к тому месту, против которого стоит барабан, несущий купол, такой же полуциркульный, как и завершения средних частей стен.

Вообще мотив полуциркульной арки господствовал на фасадах этого здания. Внизу большие полуциркульные арки венчали дверной проем и нишу над ним, выше четыре меньших арки завершали окна и боковые ниши и еще выше над верхним окном, имеющим такое же завершение, раскинулись 15 маленьких арочек под карнизом, объединенных в одно целое его трехлопастной кривой. Очертание арок в верхних и нижних частях здания различно. Более крупные, расположенные внизу арки над дверными проемами и нишами над ними слегка сплюснуты; меньшие по размерам и расположенные выше арки оконных проемов и ниш близки к правильной полуциркульной форме, а многочисленные маленькие арочки под карнизом вытянуты кверху.

То же было и на барабане купола, где над восемью арками окон, подчеркнутыми такими же полуциркульными «бровками» над ними, проходили по самому верху 24 маленьких арочки.

Местами, как в нишах над дверями или в окнах, четверть, проходящая над аркой, удваивала ее полуциркульную кривую; вместе с тем эти углубленные четверти (особенно глубокие в дверях), подчеркивая толщину стены, способствовали тому впечатлению мощи, которое создавала гладь стен здания, лишь в своих средних частях прорезанных проемами.

В то же время церковь не казалась тяжелой и суровой: украшения ее фасадов, сосредоточенные в верхних частях здания, — арочки, зубчатые карнизы и «бровки» над окнами барабана — своим обилием, небольшими размерами и слабым рельефом смягчали это впечатление, а красочные пятна фресок над входами и возле алтарной апсиды и, может быть, такие же полосы кирпичных карнизов и украшений окон барабана придавали ей известного рода живописность.

Внутри церковь еще более отличалась от того, что можно было видеть в наши дни. При отсутствии подклета, она была гораздо выше, и пропорции столбов и пролетов между ними были очень стройными. Контраст между высотой всей церкви и низких хор и иконостаса заставлял ее казаться еще более высокой, тем более, что верхние части ее из-за тесноты внутренних пространств можно было видеть лишь в сильном ракурсе, снизу вверх (рис. 16).

Фрески, покрывавшие некогда сплошным ковром стены и своды церкви, были неразрывно связаны с ее архитектурой. Одиночные стоячие фигуры святых, написанные на столбах, как бы подчеркивали их вертикальность и находили продолжение в таких же фигурах, написанных на

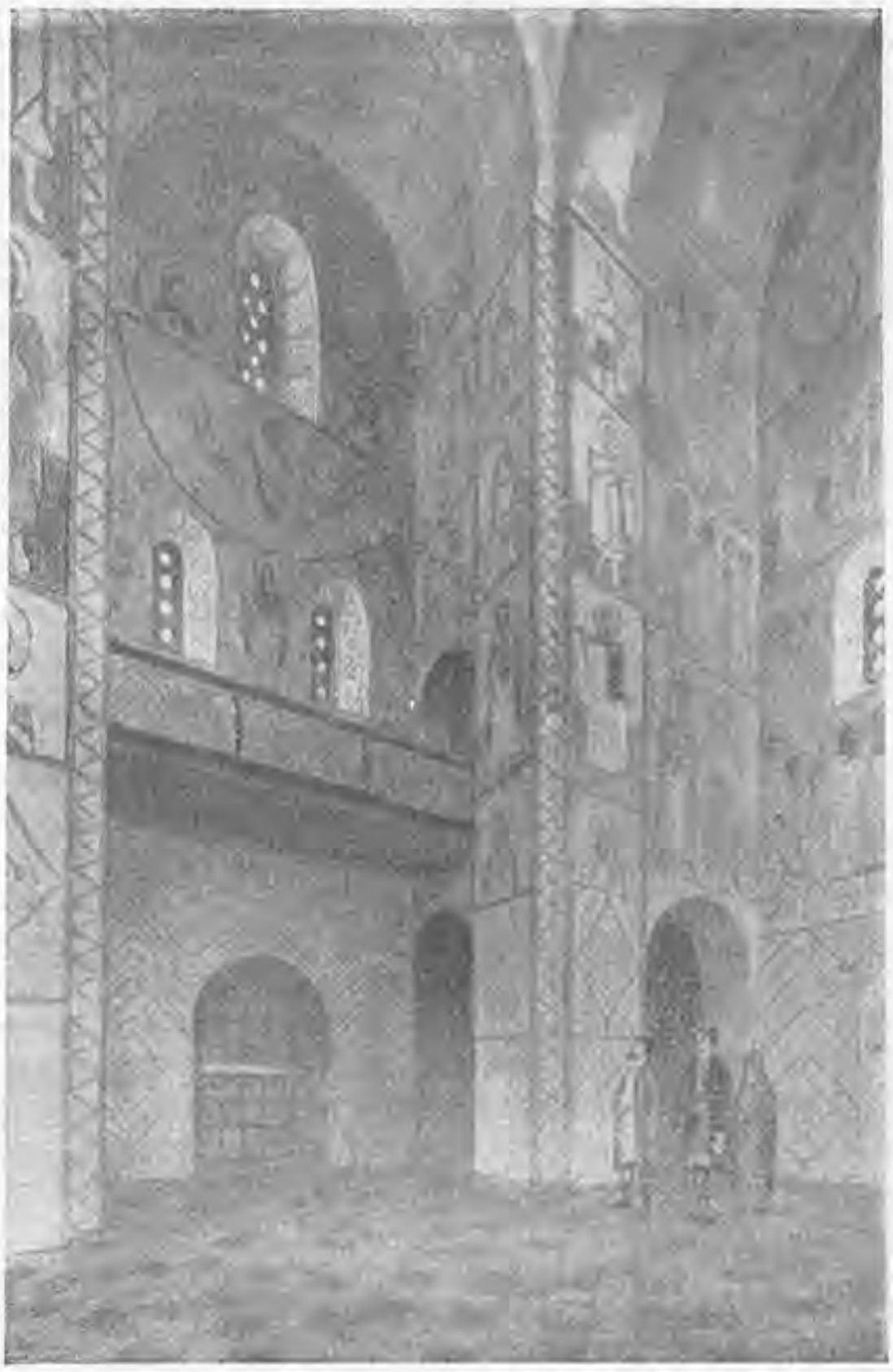

Рис. 16. Церковь Николы на Липне Внутренний вид. Реконструкция

подпружных арках, в то время как замки последних были отмечены круглыми медальонами с поясными изображениями в них.

Композиция росписи отдельных стен подчинялась их осям симметрии. Так, на восточной стене, над алтарной апсидой помещены симметричные композиции «Преображение» и «Сошествие святого духа». На западной — симметричная композиция «Вознесение» расположена на оси симметрии стены, подчеркнутой расположением окон. Там же, по обеим сторонам верхнего окна находятся парные изображения святых в медальонах, а еще выше, под самым сводом, находятся две уравновешивающие одна другую фрески из христологического цикла. На северной стене наблюдается то же симметричное расположение фресок. Наверху — уравновешивающие одна

другую фрески «Распятие» и «Снятие с креста», ниже, по обеим сторонам верхнего окна, — парные изображения святых в медальонах, еще ниже — симметрично расположенные пять больших стоячих фигур святых.

На полуразрушенной южной стене сохранились такие незначительные следы фресок, что нет никакой возможности судить о том, в какой степени они соответствовали фрескам северной стены, но росписи находящихся одна против другой северной и южной стен алтаря находятся в полном соответствии между собой. Наверху, на каждой половине коробового свода, было по одной стоячей фигуре (архангелы), ниже их — сложные, многофигурные композиции: «Сретение» — на южной стене, и «Введение во храм» — на северной. Еще ниже на каждой стене было по две стоячих фигуры, а еще ниже — снова многофигурные композиции, почти уничтоженные при пробивке новых проемов между алтарем, жертвенником и диаконником, произведенной после устройства подклета.

Цветовая гамма росписи церкви была первоначально очень сдержанной и лаконичной; в ней преобладал теплый красно-коричневый цвет — цвет того камня, который в большом количестве встречается в стенах церкви и служил не только строительным камнем, но и материалом для красок.

* * *

Была ли Николо-Липненская церковь характерной новгородской постройкой XIII века или же она принадлежала к тем памятникам архитектуры, которые стоят несколько особняком, не подчиняясь в полной мере общей эволюции создавшей их архитектуры?

Ответить на этот вопрос трудно, так как о новгородской архитектуре XIII века и можно было судить лишь по одной Николо-Липненской церкви; чтобы найти ответ, нужно сравнивать ее с более ранними и более поздними новгородскими постройками.

По своей общей композиции эта квадратная в плане одноапсидная и однокупольная церковь с четырьмя столбами, высоко поднятыми коробовыми сводами среднего нефа и трансепта и низкими полукоробовыми сводами угловых частей ничем не отличается от типичных новгородских церквей XIV—XV веков. Лишь сомкнутые своды ее западных угловых частей не находят аналогий в других новгородских постройках.

Более ранние постройки (XII век) строились, как правило, по-иному — с расположением средних и угловых сводов на одной высоте и с трехапсидными алтарями, но и среди них есть такие, которые можно рассматривать как переходные от XII века к XIV. Так, в Спасо-Нередицкой церкви 1198 года хотя и три апсиды, но боковые сделаны вдвое ниже средней, а в Пятницкой церкви на Ярославовом дворище в Новгороде (1197—1207) они прямоугольны в плане. В некоторых находящихся за пределами Новгорода постройках XII века также можно видеть нечто подобное: в соборе псковского Мирожского монастыря (до 1156 г.) боковые апсиды не только вдвое ниже средней, но и вдвинуты в пределы основного планового квадрата, и своды угловых частей, хотя они и коробовые, здесь опущены значительно ниже средних. Опущенные своды угловых частей имеют также и Пятницкая церковь в Чернигове (конец XII века) и Михаило-Архангельская (Свирская) церковь в Смоленске (1191—1194), боковые апсиды которой не только ниже средней, но и имеют снаружи прямоугольные очертания, и только одну алтарную апсиду имеют Благовещенская церковь в Витебске и собор Спасо-Евфросиньева монастыря в Полоцке.

Восьмискатное покрытие стало господствующим в позднейших новгородских постройках, причем большинство из них, как церковь Успения на Волотовом поле (1352), собор Сковородского монастыря (1355), церкви Феодора Стратилата на ручье (1361), Спаса Преображения на Ильиной улице (1374), Иоанна Богослова на Витке (1383), Петра и Павла в Кожевниках (1406), Власия (1407) и др., имели такое же, как и у Николо-Липненской церкви трехлопастное завершение фасадов.

Высказывавшиеся в литературе предположения о существовании у последних пяти построек многолопастного завершения фасадов, отвечавшего украшающим верхние части их стен многолопастным кривым, опровергаются натурными исследованиями [24]. Прямоскатные крыши и треугольные фронтоны появились в этих зданиях, как и в Николо-Липненской церкви, лишь в результате позднейших перестроек, и только позднейшие постройки вроде церкви Димитрия Солунского на Торговой стороне (1463) могли иметь их с самого начала.

В то же время несоответствие трехлопастного завершения фасадов Николо-Липненской церкви шатровым сводам ее западных углов говорит о том, что оно к этому времени уже не было формой, неразрывно связанной со сводами (цилиндрическим над средним нефом и полуцилиндрическими по углам), но его употребление уже вошло в обычай, и оно применялось и там, где это и не вызывалось необходимостью. Это говорит

и о том, что завершение фасадов в виде трехлопастной кривой должно было появиться в русской архитектуре задолго до конца XIII века, и, действительно, составляющие его элементы можно видеть на восточном фасаде древнейшей каменной постройки Новгорода — Софийского собора — в виде отвечающих сводам полуцеркульной закомары среднего нефа и закомар в виде четвертей круга над крайними северным и южным нефами. В смоленской Михаило-Архангельской церкви 1191—1194 годов [25] и в черниговской Пятницкой церкви конца XII века [26], как показали исследования арх. П. Д. Барановского, трехлопастная кривая в строгом соответствии сводам увенчивала восточные и западные фасады, тогда как в соборе полоцкого Спасо-Евфросиньева монастыря (до 1161) эта форма была применена только для декорировки пьедестала под барабаном купола [27].

Некоторые из деталей Николо-Липненской церкви, как окна, их оконницы в виде досок с круглыми отверстиями, ниши для фресок, арочный поясок по верху барабана купола, находят полные аналогии в ряде более ранних русских построек и в Новгороде и за его пределами. Другие, как «бровки» над окнами барабана, получили широкое распространение в позднейших постройках, где они применялись для украшения не только окон, но и дверей, как это можно видеть в новгородских церквах Феодора Стратилата, Спаса Преображения, Петра и Павла на Славне (1367), Андрея Стратилата в кремле (начало XIV века?) или во Владимирской башне кремля. В более ранних постройках подобная деталь встречается в соборе Юрьева монастыря близ Новгорода, соборе Евфросиньева монастыря в Полоцке, Михаило-Архангельской церкви в Смоленске и в порталах Васильевской церкви в Овруче (конец XII или начало XIII веков).

Только такие детали Николо-Липненской церкви, как ниши с рельефными крестами в них, не встречаются больше нигде, а что касается арочек, украшающих трехлопастные завершения фасадов, то хотя их и можно до известной степени уподобить арочкам в подножии закомар Петропавловской церкви в Смоленске (середина XII века) или собора Елецкого монастыря в Чернигове (40-е годы XII века), но полной аналогии между ними усмотреть нельзя.

Строительные материалы и техника Николо-Липненской церкви также говорят о ней, как о промежуточном звене между XII и XIV веками. Ее сложенные целиком из камня неправильной формы стены таковы же, как и в новгородских церквах XIV — начала XV веков, так же как и кирпичные своды, арки, барабан купола и убранство фасадов.

Постройки XII века с их кладкой стен из чередующихся рядов камня и кирпича более отличаются от нее, но XI век дает нам в единственной постройке, которую Новгород сохранил от этого времени, — Софийском соборе (1045—1052) такое же распределение строительных материалов, с той лишь разницей, что стены здесь выведены из более правильного по форме камня. Интересно отметить, что в Софийском соборе можно видеть и древнейшие в архитектуре Новгорода полукоробовые своды, получившие такое широкое распространение позднее.

Кирпич Николо-Липненской церкви также занимает промежуточное положение между кирпичом XII и XIV веков. Здесь преобладает еще квадратный кирпич, неизвестный более позднему времени, но это уже не плитный тонкий кирпич XI—XII веков, а что касается прямоугольного кирпича, то, с одной стороны, употребление его вместе с квадратным было известно и более раннему времени (Спас-Нередица 1198 года или Великая церковь Киево-Печерской лавры 1073 года), а с другой, — его размеры в Николо-Липненской церкви уже близки к размерам кирпича построек позднейшего времени как в Новгороде, так и в других русских городах.

Особняком стоит лишь клинчатый кирпич, из которого в Николо-Липненской церкви сложены своды, да остроконечный кирпич ее карнизов и надоконных бровок. Новгородские архитекторы позднейшего времени, идя по пути дальнейшего упрощения строительной техники, и такие детали выполняли из простого кирпича, кладя его под углом к лицевой поверхности стены.

Словом, почти во всем Николо-Липненская церковь находит аналогии и в более ранних и в более поздних постройках. Поэтому ее нельзя рассматривать как изолированную, стоящую особняком постройку, но, наоборот, в ней нужно видеть нечто характерное для новгородской архитектуры XIII века, нечто связывающее между собой в один эволюционный ряд не только сооружения XII и XIV веков, этих «золотых веков» новгородского искусства, но и более ранние.

В то же время сходство между отдельными частностями Николо-Липненской церкви и ряда построек в Полоцке, Смоленске, Чернигове и др. говорит о том, что между архитектурой Новгорода и других русских городов существовали в XII—XIII веках живые и тесные связи, и, быть может, многие черты, считавшиеся характерными

для отдельных местных школ русской архитектуры, могут оказаться при более тщательном изучении общерусскими.

Интересно, что Николо-Липненская церковь имеет больше сходства в отношении строительной техники, конструкции сводов, общей композиции объема и деталей с новгородским Софийским собором и постройками XII века в Полоцке, Смоленске, Чернигове и др., чем с такими произведениями новгородской архитектуры того же века, как Николо-Дворищенский или Юрьевский соборы с их смешанной кладкой стен и нишами с перспективным обрамлением, украшающими фасады.

Это говорит о том, что в XIII веке новгородская архитектура снова вернулась к тем идеям, которые разрабатывались в ней, а также и в архитектуре других русских городов уже в XI веке, и, развивая их, достигла в следующем, XIV веке своего наибольшего расцвета.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пятницкая церковь на Ярославовом дворище в Новгороде, датируемая 1191—1207 годами, еще нуждается в тщательном исследовании для уточнения даты ее перестройки и решения вопроса о ее первоначальном облике

[2] Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I, М. 1860, стр. 522.

[3] ПСРЛ, т. III, СПБ, 1841, стр. 214.

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М—Л. 1950, стр. 327.

[5] ПСРЛ, т. III, стр. 221.

[6] Там же.

[7] Макарий, указ. соч., стр. 524—527.

[8] Г. Филимонов. Церковь святого Николая чудотворца на Липне близ Новгорода. М. 1859.

[9] В. Мясоедов. Никола Липный. Сборник Новгородского о-ва любителей древностей. Вып. 3, Новгород. 1910.

[10] А. Павлинов. История русской архитектуры. М. 1894, стр. 103—106.

[11] И. Грабарь. История русского искусства, т. I, М. б. г., стр. 193—202.

[12] А. Некрасов. Очерки по истории древне-русского зодчества XI—XVII веков. М. 1936, стр. 142—144.

[13] В. Суслов. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПБ. 1888.

[14] К. Романов. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях. Известия ГАИМК, IV. Л. 1925.

[15] А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Л. 1939, стр. 81—85.

[16] М. Карѣер. Новгород Великий. М. 1946, стр. 51—56.

[17] Филимонов, Макарий, Суслов, Павлинов, Грабарь.

[18] Романов, Строков и Богусевич, Каргер.

[19] Некрасов.

[20] Он же.

[21] Строков и Богусевич.

[22] I. Roosval. Die Kirchen Gotlands. Leipzig. 1912.

[23] Филимонов, ук. соч., стр. 9, табл. II.

[24] В существовании первоначальных трехлопастных завершений фасадов Феодоро-Стратилатской и Власьевской церквей автора настоящей статьи убедили его наблюдения над ними, а факт существования таких же завершений у Спасо-Преображенской, Богословской и Петропавловской церквей установлен арх. Л. М. Шуляк, произведшей одновременно с работами по укреплению этих пострадавших во время войны зданий исчерпывающее исследование их. См. ее проект реставрации восточного фасада Петропавловской церкви в сборнике «Практика реставрационных работ». М. 1950, стр. 70.

[25] Реконструкция арх. П. Д. Барановского опубликована на стр. 23 «Истории русской архитектуры. Краткий курс». (Академия архитектуры СССР, М. 1951).

[26] П. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.—Л. 1948.

[27] Иван Хозерау. Да пытаньня аб Спаскаускай церкве у Полацку. Минск. 1927.

Обмерные чертежи и проект реконструкции выполнены автором